СВЕТЛАНА ЧЕРЕМУХИНА
Любовь – это боль
КАРТИНА

Светлана Черемухина

Любовь – это боль

Серия «Картина», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19415567
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Она – из другого времени: робкая, целомудренная, благовоспитанная, краснеющая при двусмысленных намеках и одном лишь упоминании поцелуя. Таких, как он, называют мечтой всех женщин, идеальным мужчиной: эстет, полиглот, роскошен и сногсшибателен. Они живут в несоприкасающихся мирах, непохожие, несоответствующие друг другу ни по стилю жизни, ни по отношению к ней. Но судьбоносная встреча заставляет их измениться и изменить все вокруг. Что это? Уроки жизни Вселенной? Бога? А может, лишь кисть художника, запечатлевшего истину? Она доверчива и бесхитростна, помыслы ее чисты. У него тайны и секреты, ведущие в ад. Полные противоположности, притяжение которых уже ничто не в силах изменить.

Содержание

ЧАСТЬ 1 4
ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 24
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Светлана Черемухина
ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬ

ЧАСТЬ 1

Можно прожить всю жизнь как во сне, а можно однажды проснуться посреди ночи, и… оказаться под прицелом пистолета. И как быть дальше? Девушка, с которой никогда ничего не происходило, которая жила в мире книг и размышлений, попадает в водоворот событий, пережить которые она не хотела бы никогда.

Я сделан из такого вещества:
Из двух неразрешимых столкновений,
Из ярких красок, полных торжества,
Из черных подозрительных сомнений.

Я сделан из находок и потерь,
Из правильных идей и заблуждений.
Душа моя – распахнутая дверь,
И нет в ней ни преград, ни ограждений.

Я сделан из далёких городов,
В которых, может, никогда не буду.
Я эти города люблю за то,
Что люди в них живут и верят в чудо.

Я сделан из недаренных цветов.

Я из упрёков, споров, возражений.
Я состою из самых длинных слов,
А также из коротких предложений.

Я сделан из бунтарского огня,
Из силы и могущества горений.
Я из удач сегодняшнего дня,
Но большей частью всё же из падений.

гр. Альфа, «Я сделан из такого вещества»

ГЛАВА 1

Желтые листья… Так банально, так обычно, так красиво… Упасть бы в этот ворох, вдыхать прелый аромат, смотреть на проносящиеся облака и… ни о чем не думать. Совершенно ни о чем…. Двадцать семь лет, и одна. Совершенно. Да и как иначе, разве может быть иначе.

А мимо проходили люди. Аллеи парка были довольно малолюдны, но немногочисленные прохожие каким-то образом умудрялись создавать так много шума с тявканьем собак, детскими звонкими вскриками, кокетливым смехом веселых девиц в окружении молодых людей, что ей вдруг стало неуютно. Это ее парк, ее любимая аллея, вон и персональная скамейка виднеется впереди, но, увы, она уже занята. Парочке, занявшей ее, нет дела до увядающей природы, и им совсем не до облаков. Они влюблены, и все их чувства подчинены только одному желанию – быть вместе, раствориться

друг в друге, стать счастливыми. Эй, остановись, уйми свою фантазию. Может быть, все закончится банальной интрижкой и только…

Она поддала жестяную банку носком ботинка, и какой-то белый лохматый пес помчался за ней со всем своим щенячьим восторгом. Двадцать семь лет. Боже, как пережить этот вечер? Отец будет тактичен, немногословен, но как же будет полон сочувствия его взгляд. А мать, болтая без умолку, снова сделает замечание, что пора бы уже обзавестись семьей, что она в ее годы… Да мать и в *свои-то* годы все никак не может успокоиться. Сколько отчимов перебывало у них в квартире, и в скольких домах Свету учили, как неразумного попугая, называть чужих мужчин папами.

Вот Низами она охотно приняла как родного. Удивительно, как матери посчастливилось встретить такого человека. Вернее, как раз встретила она его легко, подцепив в «ужасно дорогом и роскошном» ресторане, но вот женить на себе – это надо было умудриться. Да, если бы Света унаследовала ее обаяние, шарм и красоту, она бы в «ее-то годы» однозначно не была одинока, но… вместе с этим ей, возможно, пришлось бы нечаянно унаследовать и ту поверхностность отношения к жизни, «невыносимую легкость бытия», которая делала ее мать в глазах многих знакомых легкомысленной кокеткой. Однако упорная вера мамочки в то, что мужчина обязан обеспечивать свою женщину, одаривая мехами и драгоценностями, позволяла ей обращать в свою религию

вполне обеспеченных и щедрых мужчин на протяжении долгой и богатой на такие события жизни.

Отец наверняка подарит что-то из своих работ, что-нибудь прелестное. В его картинах на протяжении долгих лет, каким бы фантастическим ни был сюжет, при всем многообразии идей неизменно присутствовали голуби, желтые листья и тень таинственного незнакомца в длинном плаще. Может, так отец пытался вложить в подсознание дочери мысль о божественном замысле для ее жизни и подготовить к важной встрече? К встрече с тем самым таинственным незнакомцем в темном плаще, с длинными полами которого неистово играет ветер.

С рождением дочери осень стала любимым временем года отца. Он рисует ее всю жизнь, находя столько красоты, необычайности и нежности, что от его картин невозможно оторвать глаз, и из этих миров не хочется возвращаться в реальность.

Ну а мать с Низами подарят ей что-нибудь невообразимо дорогое: украшение, или духи. У нее уже столько этого добра накопилось, но зачем оно ей? Разве незнакомца в плаще можно поймать на золотые серьги? Хотя, феромоны и флюиды в изысканных духах вполне могут оказаться серьезной наживкой. Света усмехнулась, пообещав себе подумать об этом позже, когда гости разойдутся и оставят ее в покое.

Свечи, цветы, именинный торт – все готово, любимая музыка уже в музыкальном центре, запеченное мясо, как и по-

ложено, в фольге, закуски томятся в ожидании желающих их попробовать. Еще несколько часов, и все закончится, можно будет забыть этот день как пустое бульварное чтиво, подробности которого выветриваются сразу же после прочтения, и на долгие месяцы предаться мечтам, хорошим книгам и музыке, пока на горизонте не высветится кошмарная цифра «Двадцать восемь». И те же муки повторятся вновь, и та же горечь набросится на нее, чтобы потом, как отлив под влиянием луны, снова оставить ее на пустынном берегу острова под названием «Одиночество».

* * *

Сквозь узкую щель в тяжелых шторах в комнату с любопытством заглядывал свет фонарей. Проложил яркую дорожку через всю комнату, отразился в зеркальном шкафу, придавая необычность и фантастичность обстановке. Фонари, безмолвные свидетели слез, мечтаний и радостей жителей проспекта Ангелов, были старыми приятелями и знали про Свету все. И сейчас они были в курсе, почему она так тяжело дышит, вся в поту, с пересохшим горлом.

Единственное, что они не могли сделать – помочь ей вызвать Стражей порядка, чтобы навести этот самый порядок в ее душе и жизни. А жизни ее, похоже, сейчас угрожала самая настоящая, реальная опасность.

Избегая полоски света, в густой тени стоял мужчина. Чер-

ты лица видны смутно, но слезы, застилающие глаза, и так лишали возможности разглядеть лицо незнакомца. Вот луч холодного света сыграл свою роль: незнакомец поднял руку в свете фонарей, и девушка задохнулась от ужаса, увидев оружие. Это пистолет! Самый настоящий! Щелкнул затвор – оружие сняли с предохранителя.

Пробуждение было ужасным, ей приснился кошмар: долгое падение в вечность, сомкнутую сырыми грязными стенами бездонного колодца, но реальность оказалась еще страшнее – ее сейчас убьют. Но почему? Вернее, зачем? То есть за что? Она не дочь банкира и не подруга депутата, не наследница многомиллионного состояния. Боже, она никто! Ей только что исполнилось двадцать семь лет, и она очень хочет жить!

– Где он? – услышала она голос незнакомца. Надо же, она в состоянии слышать и преображать звуки в слова! Посмотрим, может ли она говорить.

– Где кто? – собственный голос самой показался противным, слабым и жалким. Конечно она жалкая, в промокшей ночной рубашке, дрожащая. Смотреть противно. Да, наверное, за такое стоит убивать! Надо же, она еще и шутить может.

– Не надо прикидываться дурой. Ответишь правильно, и больно не будет, обещаю.

Голос интеллигента, интонации не грубые, но нажать на курок решительности хватит: холодный металл в голосе

можно расслышать и сквозь зубовный стук, и сквозь сердечный. Боже, сердце бьется во всем теле: в горле, в груди, в животе, даже в ушах отдается. Какой она, оказывается, сердечный человек.

– Давайте разберемся, – на этот раз она откашлялась, и голос окреп, речь обрела некоторую внятность, – о ком речь? Я здесь одна, всегда, здесь больше никто не живет. Кого же вы ищете? И почему именно у меня? – она осеклась, потому что незнакомец медленно подошел к окну, и вдруг отдернул шторы. Лунное сияние и огни неоновых реклам в роскошных витринах наполнили комнату странным свечением. На стенах заиграли причудливые узоры из теней и света.

Незнакомец показался… неожиданно знакомым: длинные волосы, длинный плащ, где-то она это видела.

Не сводя с него расширенных от страха глаз, Света осторожно подтянула ноги к груди, обхватила дрожащими руками. Высокий человек остановился в проеме окна, черная фигура на светлом фоне. Во всем облике чувствовалась звериная сила и ловкость, мощь лесного зверя, дикого и неукротимого, родство с дикой природой, что-то далекое от современности и привычных стандартов. Что-то угрюмое и давящее, но для него определяющее его собственную свободу, власть и независимость. Напряженная спина, крепкие руки, твердая поступь – все говорило о том, что он готов к действиям, безжалостный и неумолимый.

Отчаянно хотелось защитить себя, и Света решилась на

новый монолог.

– Вам любой в этом доме скажет, что здесь никого не бывает. Да хоть консьержку спросите… – и замолчала, словно споткнулась на ровном месте. Стоп, а как его впустили в дом? Неужели он уже убил консьержку? Света знала, что иным способом проникнуть в подъезд просто невозможно, особенно в ночное время. Бдительная старушка этого просто бы не допустила.

Незнакомец поменял руку, все также направляя на девушку пистолет.

– Не заговаривай мне зубы. Он знал, что я приду? Где он прячется? – тихая злость прозвучала очень ясно.

А если он психопат? Что, если он возьмет, и без предупреждения нажмет на курок? Света стала лихорадочно думать, как бы ей изловчиться и так прыгнуть, опережая выпущенную пулю, чтобы схватиться за ствол пистолета и поднять его вверх, уводя пулю в сторону. Дурочка, тебе с ним не справиться, он высокий и сильный.

Может, схватить стул и швырнуть в окно, чтобы привлечь внимание ночных Стражей порядка? Маразм: четвертый этаж. Даже если они и вычислят квартиру, пока доберутся до нее, их будет ждать остывающий труп глупой девушки, погибшей от своей неразумности. «Мертвый труп убитого насмерть покойника» – вдруг вспомнился анекдот про клуб любителей тавтологии.

– Я ничем не могу вам помочь, – с отчаянием проговорила

она.

– Ты думаешь, я шутить сюда пришел в такое время суток? – прошипел мужчина. – У тебя мозгов не хватает, чтобы понять, в каком ты дерьме? У меня заканчивается терпение, а из-за этого глупые люди обычно плохо кончают. Где он, его кто-то предупредил?

Последние слова незнакомец выкрикнул, и Света невольно вздрогнула.

– Возможно. Возможно, его кто-то предупредил, я не знаю, – она беззвучно заплакала.

– Тебе показалось, я решил тебя развлечь? – Света буквально увидела, как напрягается рука с оружием, и инстинктивно вытянула вперед свою, пытаясь прикрыться от нападения. – Тебе жизнь в копейку? – процедил незнакомец сквозь сжатые зубы.

– Пожалуйста, – пролепетала девушка, слезы с новой силой потекли по щекам. – Пожалуйста, не надо. Я живу здесь уже пять лет, и ни один мужчина не переступал порог моей квартиры, вы первый. Ну зачем вы пришли! – она уже рыдала в голос. Ну и пусть, она просто не могла сдержаться.

– Заткнись. Это ты оказалась в его квартире… Пять лет? Не свисти мне! Такие дурнушки не в его вкусе. Что тебя с ним связывает?

– Ничего. Это моя квартира, моя!

– Что ты сказала?

– Это моя квартира! Я здесь живу! Одна! – до него вообще

можно докричаться?

– Ты слишком много говоришь, – проворчал незнакомец. – Так, давай разберемся, – казалось, он, наконец, услышал ее.

Света судорожно вздохнула, ожидая дальнейших действий незнакомца. Капля воды ей сейчас не помешала бы. А то и капля вина, жаль только, что она не пьет. Хотя, появился серьезный повод для того, чтобы изменить свои привычки и приобрести новые, пусть даже и вредные.

– Проспект Ангелов? – тихим голосом спросил мужчина.

– Да.

– Хорошо. Дом пятнадцать, квартира восемнадцать?

– Квартира восемнадцать, но дом номер десять.

– Чччерт! – тихо вскричал незнакомец. – Это не тот дом? – казалось, он не мог в это поверить.

Отошел к креслу и с грацией пантеры опустился в него, локтями опершись о колени. Он размышлял, а Света ждала. Если ей и удалось доказать, что он ошибся, это еще не значит, что она сможет легко отделаться. Вполне вероятно, ее удостоят звания обладателя тайны его позора посмертно.

В повисшей тишине Света услышала стук своего бедного сердца. Наверное, теперь и этому безжалостному убийце все слышно. Наверное, этот стук раздается по всему городу, наполняя чернильное небо тоской и тревогой. Он забирается в квартиры, в теплые уютные спальни, и его слышат все люди ее города, и все понимают, что с ней случилась беда, только

кто ей поможет?

Неожиданно резко раздался звук сирены патрульной машины ночных Стражей за окном. Света впилась взглядом в незнакомца, но он остался на месте. Его это не касается: никто не может знать, что он здесь. Словно тень, он проник к ней, и так же уйдет, только, кто останется в квартире – испуганная и сломленная девушка или бездыханный труп?

– Ну, ты как, готова умереть из-за моей ошибки? – он вновь поднял пистолет, направив в лицо обескураженной девушке.

Всю жизнь она поражалась, как это отдельные люди умудряются упасть в обморок, с чего бы это, и как вообще это происходит, и понимала, что с ней такое произойти никак не может, а понадобилось всего-то: наличие злого мужчины, страдающего рассеянностью, и огнестрельное оружие, чтобы опровергнуть эту ее уверенность.

* * *

Света открыла глаза, когда день давно вступил в свои права, и осень вовсю бушевала, сообщая о себе сильными порывами ветра, позвякивая стеклами, трепеща тюлем. В комнате витала свежесть с легкой примесью дыма. Привычность обстановки, порядок и чистота наполнили душу покоем, но все изменилось, как только Света вспомнила подробности ночного происшествия. Происшествия? Это могло стоить ей

жизни или седых волос! Надо же, неужели это все было на самом деле? И она жива? Она могла бы сказать, что отдохнула и хорошо выспалась, но душевная тревога, завладевшая ею после пробуждения, сводила на нет целительность сна.

Все плохо, все очень плохо. Если ночной убийца ее не тронул, то может сделать это в любую минуту. Он же психопат, это точно! То кричит, то шипит, то смеется. Неуравновешенные люди опасны для общества, и ей надо срочно съезжать с этой квартиры.

Вспомнив про недоеденный торт, Света нашла в себе силы подняться с постели, и босиком прошла на кухню. Сквозь желтые занавески в помещение рвался дневной свет. Света откусила большой кусок и через мгновение уже рыдала, вновь переживая ночной кошмар. За нее даже заступиться некому. Разве что папа набросится на обидчика со своими кисточками и мольбертом, до смерти измазав его масляными красками. Хотя, Низами мог бы позвонить кое-кому, и попросить кое о чем, и, может быть, этому парню пришлось бы нелегко… Но дело в том, что он знает где ее найти, а она – нет.

И он нашел ее, не прошло и двух дней.

* * *

Света лихорадочно соображала, как поступить: закричать, или выскочить в окно, когда увидела его заходящим в

автобус. Судя по внешнему виду, его можно смело отнести к категории людей, не пользующихся общественным транспортом уже долгие годы, и только его дальнозоркости оказалась она обязана встречей в салоне переполненного автобуса.

Жуткий мужчина взглядом пригвоздил ее к месту, и она так и стояла, пока он пробирался к ней сквозь толпу. Он уставился на нее своими страшными глазами, почти не мигая. Именно таким взглядом можно убить, поняла Света. Она же могла только жалко поглядывать на него, стараясь опустить глаза, но необходимость знать, что он сделает в следующую минуту, вынуждала то и дело поднимать взгляд на незнакомца. Сознание того, что ее окружает множество людей, служило слабым утешением, ведь дуракам закон не писан, и вряд ли его смутит такое количество свидетелей. Если только ему надо ее убить – он убьет.

– Как дела? – вдруг спросил он. Лицо не проницаемо, и сложно понять, шутит он, издевается, или серьезно интересуется ее жизнью.

Слезы, мгновенно закипевшие в глазах, все сказали за девушку.

– Ты ведь не обращалась в Орден, не так ли? Ты хорошая девочка? Ты и дальше будешь вести себя хорошо?

Света смогла только кивнуть. Он приблизил к ней лицо, по-прежнему не проявляя никаких эмоций, и стал пристально ее разглядывать.

– Какие длинные ресницы, – проговорил он, обдав ее ароматом ментола.

Тонкий флер мужского одеколона в сочетании со вкусом дорогих сигарет обескуражил ее. Так приятно может пахнуть только он, незнакомец с картин. Черный плащ, длинные волосы – все сходится. Только отец не знал, что он убийца, а не принц, и всю жизнь рисовал ее смерть. – И бледная кожа, как признак аристократичности, – тут он улыбнулся, но улыбка получилась злая, надменная и презрительная. Так кошка играет с мышкой, прежде чем ее съесть. И он ее съест, а она и не пикнет, даже не закричит. Потому что не может. – Ты вся дрожишь. Ты такая трепетная.

Кончиками пальцев он провел по ее волосам, а потом по коже щеки с любопытством садиста, не отрывая пристального взгляда, осознавая ее страх и наслаждаясь им. Приподнял подбородок и тихо проговорил прямо в губы:

– Пообедаем вместе? Какую кухню ты предпочитаешь?

Света судорожно сглотнула. Она по-прежнему не могла говорить, она вообще едва держалась на ногах, а ее огромное жидкое сердце снова растеклось по всему организму, трепыхаясь и стуча во всех местах сразу.

– Пойдем, – он решительно взял ее за руку и направился к выходу.

Она передвигалась как во сне, не чувствуя ног, окутанная ватой, сотрясаемая стуком сердца. Оказавшись на улице, вдохнула полной грудью и поняла, что до этого просто не

дышала. Что ж, смерть от удушья тоже могла быть записана на счет этого изверга, ведь это все из-за него. Какую кухню она предпочитает? А он какую? Любит скушать на обед бедную беззащитную девушку, например, виновную только в том, что живет в доме номер десять на проспекте Ангелов?

Она по-прежнему молчала, он тоже не произнес больше ни слова, стоял и смотрел на нее. Ветер раздувал полы длинного плаща, играл волосами. И вдруг какая-то пружина сработала в ней: не успев сообразить, что делает, Света сорвалась с места и бросилась бежать. Про такой бег, наверное, говорят «только пятки сверкали» – и каблуки не помешали. Бежала Света так, что чемпион мира и его окрестностей по спринту позавидовал бы ее скорости. Но сейчас она готова завидовать ему, ведь его жизни ничто не угрожает, и бегает он ради денег и славы, а не для того чтобы выжить. Она не стала оглядываться, сворачивая за угол улицы Роз, а вслед ей не раздалось ни звука, и за ней никто не бросился.

Бездумно пропетляв большую часть дня по городу, Света направилась, наконец, в сторону дома Низами, решив провести вечер в его компании, тем более это всегда доставляло удовольствие им обоим. Может, она даже придумает предлог, чтобы попроситься остаться на ночь. И, возможно, даже сможет рассказать ему, что с ней произошло и во что она вляпалась. Даже расставшись недавно с ее матерью, Низами считал себя в ответе за ее жизнь и всегда оказывал посильную помощь, моральную и материальную. Вот и сейчас ей ну

просто очень нужна помощь.

Ах, папочка, какой злой демон нашептал тебе идею об этом паршивом таинственном незнакомце? Может, если бы ты его не рисовал так долго и упорно, он не ворвался бы в мою жизнь, чтобы ее разрушить…

Ее планам не суждено было сбыться. Некому было напоить ее горячим чаем, обнять за плечи и душевно побеседовать, обещая защиту и покровительство, и виной тому стал ее сводный брат Нукри. Любящий отец, не так давно подарив сыну путевку в Египет, срочно вылетел туда вслед за ним, получив странную телеграмму о том, что его непутевый сын оказался в египетской тюрьме. Связи и деньги Низами понадобятся сейчас совсем в другом месте, даже в другой стране. Ну а Свете придется расхлебывать все самой.

Интересно, а можно ли выспаться на вокзале, в зале ожидания? В детстве эта идея представлялась ей романтичной. Если при этом разжиться сладкими яблоками и томиком Маяковского… Что ж, Маяковского, может, нигде в такое время уже и не купить, но какие-то фрукты нужны ей обязательно, если она не хочет вползти в зал ожидания без сил из-за тревоги и голода.

* * *

Эта часть городского парка была словно из другой реальности. Запустение, царившее кругом, бурелом и заросли ку-

старника создавали впечатление уголка дикой природы, места, куда ни разу не ступала нога человека. Здесь не было скамеек, а вместо асфальтированных дорожек – лишь едва заметные тропинки.

Они устроились на поваленном дереве в самой гуще орешника. Черноволосый мужчина облокотился о ствол растущего рядом дерева, закинув руки за голову и вытянув ноги. У сероглазого бледного мужчины с темными волосами поза, напротив, была напряженной, все в нем указывало на глубокую задумчивость. На строгом лице застыла маска растерянности.

– Брат, ты не прав, – проговорил черноволосый, сквозь прищур хитрых глаз разглядывая солнце. – К чему эти терзания? Ну, подумаешь, облажался, с кем не бывает! – он не выдержал и расхохотался, хлопнув приятеля по плечу.

Тот поднял голову и мрачно посмотрел на соседа, но промолчал. А друг не унимался.

– Слушай, ну кто она такая, чтобы ты ее боялся? Прихлопни, как муху, да и дело концом. Странно, что ты сразу не сделал этого, – он уселся поудобнее, сунув руки в карманы брюк. – Ты словно новичок, школьник, плохо сделавший домашнее задание. Ты боишься, что она пойдет в Орден и заявит на тебя?

Молчавший поморщился.

– Я этого не боюсь, и ничего не опасаюсь. Она не опасна для меня, – он сосредоточенно думал о чем-то, чем не спе-

шил поделиться с приятелем. – Я просто не хочу ее… трогать.

– А надо, – с притворным сожалением вздохнул смешливый брюнет. – Что будет, если Кривошей узнает об этом… «недоразумении»? – он удивился, как резко друг вскинул голову. – Он не прощает таких промахов, ты же знаешь, Брат. Ты и сам бы не простил такого никому, понимаешь? – он достал сигареты, протянул пачку другу.

«О, дело плохо, как дрожат твои руки, ты взволнован, это неспроста!» – подумал он, протягивая другу зажигалку. Сероглазый мужчина наклонился к нему, прикрыл огонь длинными нервными пальцами и жадно закурил. Несколько минут они просто молчали. Веселый молодой мужчина смотрел в небо, угрюмый – себе под ноги.

– Жалеешь, что рассказал мне об этом? – спросил брюнет. Его друг не ответил.

– Я понимаю – фотомодель, я понял бы, если начинающая актриса, просто красавица, наконец, – проговорил брюнет, – но видел я эту матрешку: ни рожи, ни ко… – он резко оборвал свою речь, остановленный взглядом друга.

– Ты не понимаешь, дело не в этом!

– А в чем? Арс, в чем тогда дело? Ты уже несколько дней сам не свой. Я не узнаю своего брата. Конечно, ты никогда не был веселым, и надо признать, ты жуткий молчун и мрачный тип, но не настолько же! А тут увидел ее в автобусе, и рванул так, как будто хотел убить или, наоборот, спасти. И честно

скажу, – он доверительно наклонился к Арсению, – было бы из-за кого стараться.

Арс зло взглянул на приятеля.

– Бертуччо, знаешь, в чем твоя проблема? Ты никого не любишь. Ты даже себя не любишь, – он нервно затянулся, его пальцы слегка дрожали. – И тебе все равно, что о тебе подумают. Тебе плевать на все. Ты живешь, как придется, а я так не могу. Вот не могу я… не знаю… черт!.. может, правда, лучше убить, чтобы забыть… Вот дерьмо! – он в сердцах отшвырнул сигарету, встал и нервно зашагал вокруг бревна. Бертуччо растеряно следил за ним.

– Ну на кой она тебе сдалась! – Бертуччо искренне недоумевал по поводу терзаний близкого друга. – Слушай, а почему бы тебе не напиться и не забыться, а? Мало ли девчонок в нашем городе! Бар, бассейн, сауна, а? Ну как, идет? – ему хотелось помочь, но он не знал, как.

– Я в завязке, – мрачно проговорил Арс, – и ты это знаешь. И не надо сейчас подсовывать мне своих девочек… – он запнулся, удерживая грубые слова, готовые сорваться с языка. – И потом, как Кривошей узнает об этом? Я устранил проблему. С опозданием на пару часов, но я сделал это, – его проницательные серые глаза впились в Брата.

– Эй, друг, что ты так на меня смотришь? От меня он никогда ничего не узнает, – Бертуччо поднял обе руки. – Брат, ты что? Ты что, Арс? Ты думаешь, что я способен… Слушай, так нельзя! Эта девчонка рассорит нас!

Арс быстрыми шагами подошел к другу. Глядя в глаза, медленно проговорил:

– Я решу эту проблему. Ты мне веришь?

Из всех, кто знал Арса как профессионала, только Бертуччо мог выдержать тяжелый взгляд друга. Он один мог оставаться в относительном душевном покое во время вспышек гнева Брата. И Арс не прав, говоря, что Бертуччо никого не любит. Может, на себя ему и плевать, может, он и относится легкомысленно к жизни, к своей жизни, но вот за Арса свою жизнь он готов отдать всегда, или наоборот, побороться со смертью, тоже за него.

– Хорошо, Брат, я тебе верю. Если нужна моя помощь – только свистни, – сказал он. Совсем тихо он добавил, щелчком отбросив сигарету:

– Нам нельзя ни к кому привязываться, ты же понимаешь… Зачем тебе лишние проблемы? Мы же тогда работать не сможем.

– Я разберусь с этим, – упрямо проговорил Арс, и его глаза полыхнули странным светом.

ГЛАВА 2

Сумерки захватили власть в комнате, тишина царила с ними на пару. Ветер за окном рвался к ним третьим, но третий, как известно, лишний, и оконное стекло стойко сдерживало его натиск, отвечая дребезжанием на его обиды и жалобы.

А Свете было все равно в мягком кресле. Она рассматривала темнеющее небо и искала признаки обещанной еще с утра бури. Она всегда ощущает прилив душевных и физических сил во время небесной стихии. Это всегда приводит ее в восторг. «Лететь по ветру кувыркаясь, качаясь, прыгая и плача с дождем дуэтом…» Как бы в стиле Пастернака, льстила она себе и даже обещала придумать целое стихотворение, в которое вошла бы эта фраза, но больше ничего в голову не приходило.

Сегодня днем она была сражена, повержена в прах немолодым уже человеком с приятными чертами лица и претензией на интеллигентность. Прямо в своем любимом кафе.

Она долго сидела под тентом, прямо на булыжной мостовой, на любимой Радужной площади, рассматривая Европейский Отель, всегда привлекающий внимание огромными витринами холла, взрывающегося изнутри светом множества люстр. Потягивала ананасовый сок и ждала дождя. Отель рано зажег огни, так как сумерки неожиданно сгустились с приближением ненастья.

И вдруг почувствовала чей-то взгляд. Красивое лицо, легкая седина на висках, хорошая одежда и, как ей показалось, немного «под шафе». Больше ничем она не могла объяснить такую наглость как разглядывание в упор. Мужчина просто сверлил ее взглядом, сидя за соседним столиком. «А глаза – две коричневые пуговицы», – попыталась Света мысленно оскорбить его.

Она попробовала сфокусировать внимание на цветочном магазине, потом на девушке за столиком напротив, упорно предпочитавшей стрейч вопреки особенностям фигуры, затем перенесла этот самый фокус на носки своих сапожек, но ничто не могло избавить от ощущения чужого взгляда.

В целом, это не был взгляд наглеца или распутника, раздевающего глазами, и изучающим он тоже не показался. Ни восхищения, ни удивления. Ну конечно, откуда же им взяться-то на пустом месте! Нет, этот странный человек смотрел на нее так, будто уже все про нее знает и все понимает и уже получил подтверждение своим предположениям. Света набралась наглости и, наконец, встретилась с ним глазами. Коричневые пуговицы в молоке. Мужчина не отвел взгляда, и Свете стало не по себе. Надо сказать ему, что он наглец. Но тут незнакомец соблаговолил заговорить, предварив это удрученным и многозначительным покачиванием головы.

– Вам никто не говорил, что в вашем лице есть некая одухотворенность?

К этому Света не была готова, и естественно, растерялась.

Конечно, всегда приятно услышать такое в свой адрес, но… в чем подвох? Она же чувствует, что что-то не так!

О-ду-хот-во-рен-ность… Света меланхолично выводила пальцем непонятные письмена на запотевшем стекле. Это лучше, чем талант кокетства, это не обольстительность женщины, только это и умеющей. Это что-то совсем другое. И это именно то, что могло польстить ей. Пусть кто-то флиртует, играет чужими чувствами, завлекает в сети и завоевывает легкомысленных мужчин. Света из другого материала, и именно такой комплимент может быть уместен в ее случае. Вдалеке край неба на короткий миг осветился и потух. Ага, гроза все-таки будет!

… Света сидела и любовалась собой в лучах только что прозвучавшего комплимента. Но она поторопилась с выводами – это был вовсе не комплимент. Оказалось – это ее приговор.

– Да, именно одухотворенность, – мужчина кивнул сам себе, утверждая сказанное, – только, кому это надо… – и замолчал.

Эта-то выразительная пауза и поразила девушку. Это уже не комплимент, хотя и не оскорбление.

…Теперь небо сверкало сразу в нескольких местах. Послышался далекий рык. Всполохи походили на праздничный салют – природа торжествовала.

Это правда, горькая правда. Наверное, Света обладает тем, что никому не нужно. Это не модно, не стильно, это не

котируется на рынке современных отношений. Это дорого не продать. «Фирма «Кумпиш», продашь – не купишь, а если купишь, то не продашь». Непонятная шуточка из детства. Уже в детстве Света шутила над тем, от чего так горько ей будет в двадцать семь лет. Она жила, росла и не догадывалась, как будет страдать, провожая год за годом своей жизни. Провожая в никуда, живя ни для кого… «Неужели все мои качества останутся невостребованными? Все мужчины – мотыльки, им не под силу тяжести и они боятся суровой зимы. А я – зима, и мужчины меня боятся…»

– Это моя проблема, – только и смогла проговорить Света, отворачиваясь от сочувствующего взгляда мужчины.

Она в смятении торопилась домой, быстро шагая по пустеющим улицам, под сводами Тройных Арок, где каждый шаг отдавался тройным эхом, но сейчас мало что слышала, кроме биения своего сердца. Даже не заметила, как пронеслась по Кипарисовой аллее, не обращая внимания на свое любимое дерево, мимо мрачного строения из черного камня с угрюмыми зарешеченными окнами – здания Городской тюрьмы, за высокими стенами которой также бушуют страсти и разыгрываются личные трагедии местного разлива. Ветер гонял опавшие листья и обрывки газет.

… «Пуговицы», – вывела Света на оконном стекле.

* * *

Трое мужчин, ежась от холода, потирали озябшие руки. Два огонька сигарет горели во тьме. Ветер тихо завывал в ветвях голых деревьев, шуршал опавшей листвой, забирался под одежду.

– Марк, дай мне прикурить, – попросил самый молодой, подняв воротник куртки. – А то не хорошо как-то получается: вы курите, а я должен на вас смотреть.

– Еще чего! Ты мне пачку должен, уже вторую неделю, забыл?

– Я курить хочу, Марк. Да отдам я тебе эту пачку, просто забываю про нее все время.

– Забываешь? А презервативы каждый день покупать не забываешь? – двое старших загоготали в темноте, молодой смутился.

– Грак, куда ты все деньги просаживаешь, а? – спросил третий, смачно затягиваясь. – Ну, кроме аптечных резинок?

– А не твое дело, Бокс, – обиделся парень. – Не ты мне деньги даешь, и не тебе мои чеки проверять.

– Ага, а сигареты я тебе должен давать, – вставил Марк.

– Блин, вот засада-то, а! – тихо вскричал обиженный Грак, взмахнув руками.

– Ладно, бери, дарю, я сегодня добрый, – Бокс протянул парню пачку и дал прикурить от своей сигареты.

– Черт, дождь будет, – Марк поднял голову.

Чернильные тучи в ночном небе собирались как раз над рощицей, где расположились три человека. Невдалеке высилось здание фабрики, трехэтажная громада с пустыми глазницами оконных проемов. Ветер трепал листы жести, заплатами висящие на некоторых из них, и доносил до людей их жалобный скрежет. Корявый остов машины во дворе составлял законченный натюрморт одиночества и запустения, памятник человеческой расхлябанности и безалаберности.

– Ну чем там с мужиком-то дело закончилось, – вспомнил Марк про недорассказанный анекдот.

– Да ниче, все нормально, все были живы и счастливы.

В это время тьма перед ними рассеялась, выпустив из своих клубов три черные фигуры. Их силуэты неожиданно проявились на фиолетовом фоне, расцвеченные бледным туманом.

– Бэнг! Бэнг! Вы убиты! – длинноволосый мужчина направил указательный палец на Марка, изобразив пистолет. Его глаза блестели в темноте, и блеск этот мог вселить ужас в любого, кто хоть немного знал Брата.

Наступила глубокая тишина, слышался только скрип и скрежет полуоторванного металла, отданного на волю безжалостного ветра. На лице мужчины застыла усмешка, больше похожая на оскал.

– Арс, прости, мы отвлеклись, – пробормотал Марк.

– Я не шучу, – перебил его мужчина, – таких не жалко

и пристрелить, – холодный ветер трепал длинные волосы, полы длинного плаща хлестали по ногам. Два его спутника мрачно молчали.

– Арс, все под контролем, никто в здание не входил и не выходил, мы следили, – Грак дрожащей рукой пригладил разметавшуюся челку.

– Серьезно? – мужчина поднял брови. – Тогда убиты не только вы, но и мы. – Он оглянулся на своих спутников. – А это гораздо печальнее, не так ли? И своей жизнью вы обязаны боссу, потому что это он предложил нагрянуть с контрольной проверкой и все как следует тут осмотреть.

– Как!? – вскричали все трое. – Вы были там? Когда?

– Вы даже не заметили. Конечно, такая увлекательная беседа, в столь изысканном обществе, в таком живописном месте, – мужчина с презрением смотрел на всех по очереди, наслаждаясь их смятением, стыдом и позором.

Он шагал взад-вперед, чтобы не стоять на пронзительном ветру.

– Только не надо злорадствовать, мы не служили в горячих точках, нас не брали наемными офицерами на неизвестные войны, – процедил Марк.

Только он один мог наскрести отваги, чтобы ответить Брату. Другие трепетали, осознавая, как сильно прокололись, и заслужили серьезное наказание.

– Да, твоей выучки и способностей хватит только чтобы по статическим мишеням палить.

– Арс, не задевай меня, – процедил Марк.

– Если бы мы понадеялись на вас, через пять минут после приезда Инока с его отморозками мы бы уже висели на этих ветвях, фрагментами, и мозги тихо капали бы на землю, – прошипел мужчина, вплотную приблизившись к Марку. – Ты был поставлен здесь не для того, чтобы анекдоты травить, и своего племянничка выгуливать, ты обеспечиваешь защиту не только нам, но и собственной заднице.

– А что произошло-то? Что случилось-то? – Грак проговорил это удивленно-дружелюбным тоном, показывая недоумение по поводу необоснованного бешенства начальства.

За эту вольность длинноволосый мужчина наградил его долгим тяжелым взглядом, заставив умолкнуть и опустить глаза.

– Случилось, и произошло. – Арс пригладил волосы, убирая их со лба. – Вы нас всех чуть на тот свет не отправили к чертовой матери! Я бы не доверил вам и манекены охранять!

– Мы взяли камикадзе, – вступил в разговор второй из подошедших Братьев.

– Не гони, Бертуччо! – Бокс вытаращил глаза.

– А кто же он, как не камикадзе. Инок не так глуп, он вполне мог предположить, что мы проверим это место, подготовимся к встрече основательно, поэтому предполагал, что мы наткнемся на его людей. И все же он решил попробовать: чем черт не шутит, вдруг ему удастся провернуть этот финт и остаться при своем интересе.

– И что же? – Марк понял, что они окончательно погибли.

– Кривошей предложил мне проверить здание, – снова вступил в разговор разгневанный Арс. – Мне, Брату, не смотря на то, что в засаде были оставлены три человека и три ствола!

– Мы взяли парня, когда он почти спрятал взрывчатку, – снова вступил Бертуччо. – Вы не представляете, сколько ее было! Инок ничего не пожалел для нас! Чтобы бы было, понадейся мы на вас!

Кривошей покачал головой. Он молча разглядывал всех своих людей.

– Так ничего же не произошло! – неожиданно воскликнул Грак.

Ему так хотелось разрядить обстановку и всех успокоить. Он никак не мог поверить, что не только дождевые тучи сгущаются над его головой. От своего родственника Марка он слышал, как опасен в гневе Арсений. – Арс, ты же сам сказал, что все предотвратил!

Арс медленно повернул голову к говорящему. «Придурок», – процедил тихо.

– Да, ребята, рановато вам на серьезные дела, – покачал головой Бертуччо.

Он, как всегда, был весел и всем доволен. Красивый француз итальянского происхождения, человек с легким нравом и отходчивым характером, он, однако, начисто был лишен всяких условностей и чужд морали.

Сейчас же он был готов простить всех троих, как не тяжела была их вина, ведь его друг и кумир как всегда все предусмотрел и предотвратил.

– Вам надо благодарить Брата, а не зубы скалить. В конце концов, что мы, все вместе взятые, стоим без него, – проговорил он благодушно.

Положение близкого друга Арса – правой руки лидера, а также звание Брата позволяло ему проявлять высокомерие, использовать власть и вершить суды, однако его тон и поступки никогда не раздражали людей так, как те же самые действия Арса. Здесь, наверное, сказывалось природное обаяние и врожденное благодушие мужчины. И убивал он по приказу легко и просто, тогда как Арс вкладывал в это дело душу и все свое пристрастие. Заказанного человека Арс воспринимал как личного врага и ненавидел всей душой.

В наступившей тишине было слышно дыхание мужчин. Арс и Бертуччо переглянулись. Оба стройные и высокие, длинноволосые, с яркой внешностью, они выделялись среди остальных. Их босс, Кривошей, напротив, был невысокий, плотного сложения, некрасивый мужчина, и славился сложным характером. О его жестокости и беспощадности в городе ходили легенды.

– Значит так, – Арс вновь заговорил. – Мы так же незаметно уходим: нам скоро предстоит прибыть сюда с официальным эскортом. Мы здесь не появлялись, о бомбе ничего не знаем, все хорошо и мы готовы к переговорам, – он мно-

гозначительно посмотрел на подавленных мужчин. Свет луны отразился в его стальных глазах.

– Арс, ты давно подкапываешься ко мне, – тихо проговорил Марк.

– Я просто не могу позволить себе такую роскошь как смерть от нелепой случайности. Особенно из-за тебя, – процедил Арс.

– Марк, вы за это ответите, – проговорил, наконец, Кривошей, развернулся, и вместе с Братьями направился прочь.

Только оставшаяся троица перевела дух, решив, что все уже позади, как Арс развернулся и, не прицеливаясь, выстрели. Грак упал как подкошенный, даже вскрикнуть не успел.

– Это тебе за то, что ты подставил всю команду, – процедил Арсений, глядя на Марка. – Твой племянник все равно бы погиб, как и все мы. Это малая цена за ошибку. Впредь будешь серьезнее относиться к делу.

Марк молчал, только набухшая жилка на виске и желваки на скулах выдавали его чувства. Он замер и почти не дышал. Дуэль взглядов продолжалась недолго. Арсений опустил руку с оружием и перевел взгляд на третьего участника группы.

– Приберите тут все, скоро встреча. Поторопитесь, – сказал он будничным тоном, затем развернулся к своим спутникам, которые не проронили ни слова, и все трое зашагали прочь, через мгновение растворившись в темноте.

* * *

Расчесывая длинные густые волосы цвета луны перед зеркальным шкафом, Света долго разглядывала свое лицо и удивительное дело – недоумевала, почему ее нельзя любить. «Все это от того, что в моих глазах тоска и печаль, а это никому не понравится».

А из зеркала на нее смотрели ясные открытые глаза неискушенной девушки. Эти голубые глаза могут смотреть прямо в лицо мужчинам. Их не за что осуждать, им нечего стыдиться. Они ни к чему не призывают и не приглашают. Может, именно это и не нравится мужчинам: честность и непорочность? Может, это и смущает их, выбивая почву из-под ног, лишая возможности действовать в привычных для них условиях: покорять, брать приступом крепости?

С ней же это оказывалось бессмысленным: она сама готова покориться и выбросить белый флаг – она не против, это не важно. Важно то, что должно последовать дальше. Эти глаза ожидают. Но мужчины не знают, что дальше. Как там в песне поется: «Мы умеем влюбляться, но не умеем любить». Мужчины умеют только завоевывать, но не удерживать. А Светины глаза не принимают фальши и игры, они выводят на чистую воду, отметают мишуру и обезоруживают. И мужчины чувствуют себя пригвожденными к стене.

Ее глаза требуют больше, чем мужчины могут ей дать.

«Где любимую найти мне, такую, как и я, такая не уместится в крохотном небе». Что, грустишь? Так тебе и надо. Сиди и смотри на мир через окно, со своей «одухотворенностью». Ты не создана для любви, в тебе нет того, что так нравится мужчинам.

Но что странно, Света, как никогда, чувствовала себя женщиной, пусть не предметом обожания, но готовой обожать, пусть не объектом чьих-то воздыханий, но способной любить. Она ощущала способность быть нежной и покорной. Если бы кто-нибудь поверил в нее, она смогла бы переступить через свою неловкость и нерешительность, отбросить сомнения, побороть неуверенность и распуститься прекрасным цветком, высвободить в себе Настоящую Женщину.

«Меня ждет серая безрадостная жизнь», – с горечью подумала она.

Но ей так не хотелось унижать свое «я», живущее в этой оболочке, считающейся не привлекательной, «не трендовой». Она вполне сознавала, что ее внутренний мир достаточно красив и богат, чтобы она имела право уважать себя. В глубине души она верила, что есть кто-то, кто способен оценить ее по достоинству, и боль неприятия легкомысленными мотыльками все же не могла толкнуть ее в бездну отчаяния и болезненных депрессий. Только грусть и печаль, отраженные в зеркале, выдавали душевные переживания.

От раздумий отвлек телефонный звонок.

– Дорогая! – уже по интонации и колоритному акценту

Света узнала Низами. – Дорогая, чем занята? Сидишь у окна, а?

– Ты видишь меня не только насквозь, но и на расстоянии, – Света улыбнулась. Интересно, он звонит из Египта, или уже приехал?

– Ну и о чем же ты сегодня думаешь?

– Если бы я перекрасилась в бордовый цвет, выстригла челку, а всю зарплату тратила бы на дорогие сигареты и была бы компетентна отличить Мартини от водки, а водку от селедки, то, возможно, кто-нибудь бы угостил меня этими самыми сигаретами и Мартини, и это вечер я могла бы провести не одна. Вот.

– Тебе и не надо проводить его одной. Приезжай ко мне!

– В Египет?

– Зачем в Египет? Нет, на площадь Грез, в мой дом. Да что там, в свой дом, детка, – Низами расхохотался. – А хочешь в Египет, будет тебе и Египет.

– Ну…

– Высылаю машину, жди.

Света понимала, что Низами нельзя рассказывать про то, что с ней произошло в ту роковую ночь. Если уж ее недвусмысленно предупредили об опасности обращаться к Стражам, то нетрудно предположить, что родной человек также подвергнется опасности, если Света разговорится.

Поздним вечером она пила горячий крепкий чай из своей любимой пиалы, и уплетала изюм в уютной гостиной отчима.

– Ешь, сластена, – Низами подсыпал ей крупных янтарных ягод. – Специально для тебя купил в Египте.

– Как Нукри?

– Ну как Нукри… Нормально, куролесит, шалопай. Теперь все хорошо, – было ясно, что мужчина не хочет делиться подробностями: еще не отошел от последних новостей, и ему тяжело.

Света представила обычную улыбку Нукри, всю насквозь фальшивую. Прищур маслиновых глаз, красивый изгиб чувственных губ. Изящный взмах руки, чтобы убрать воронова крыла челку с мраморно белого лба, сверкание золотого перстня на мизинце.

Света уже некоторое время испытывала стойкую неприязнь к восточному красавцу, практически сводному брату, но не желала ее анализировать, боясь разочароваться в брате, которым восхищалась долгие годы юности.

Недавняя интермедия, свидетельницей которой она оказалась месяц назад, выбивала из колеи привычного уважения к Нукри.

Как-то в обеденный перерыв Света решила забежать за клубничным джемом в маленький уютный магазинчик недалеко от офисного небоскреба. Дело было в престижном деловом районе, где сосредоточены все известнейшие фирмы и организации города. Шагая по каменной мостовой мимо фонтанов и шикарных витрин, еще издалека увидела отвратительную сцену: двух мальчишек-китайцев схватили ка-

кие-то здоровые мужчины, по чьим лицам не трудно было догадаться, что движимы они были отнюдь не дружеским побуждением.

Света часто видела этих мальчишек, они ежедневно приходили к дверям магазина, чтобы весь день оказывать услуги по выполнению дубликатов ключей и починке набоек обитателям близлежащих офисов, и находились сейчас в весьма плачевном состоянии. Один был схвачен за воротник куртки самым бесцеремонным образом высоким брюнетом, стоящим спиной к приближающейся девушке. Второй, подгоняемый тычками и ругательствами, торопливо вытаскивал из узких карманов деньги, и так при этом был напуган и дрожал, что окончил тем, что рассыпал мелочь по асфальту.

Света нахмурилась, не заботясь о том, что совершенно не подготовлена к схватке, и решительно направилась к группе людей, на ходу примеряясь, что в подскоке кого-то из двух негодяев она извернется, да и пнет, если не промажет.

Девушку возмутил тот факт, что никто вокруг не обращал внимания на эту сцену и делал вид, что ничего особенного не произошло. Все спешили по своим делам, и поблизости не наблюдалось ни одного Стража порядка. Света же не могла равнодушно пройти мимо, ведь каждый день, приходя в этот магазинчик, она неизменно встречала этих китайцев, и даже с недавних пор стала с ними здороваться. Они улыбались ей в ответ, так что и без того узкие глаза превращались в искрящиеся щелочки, и слегка кланялись, как это могут де-

лать только азиаты, ценящие дружбу и высоких блондинок. Каково же было ее изумление, когда в мужчине, державшем парнишку за шиворот, она узнала…

– Нукри! Что ты делаешь? – она растерялась. – Как ты объяснишь свое поведение?

– Никак, – молодой человек обернулся, лениво и вальяжно окинул девушку взглядом маслиновых глаз. – Это мои дела, сестренка, не вмешивайся.

Свету поразило то, что Нукри совершенно не смутился, застигнутый врасплох на месте преступления.

– Эти ребята задолжали мне кое-что, а отдавать не хотят, – однако он ослабил хватку, позволив китайцу высвободиться.

– Не думала, что основной твой доход составляет копеечная выручка подростков. Не знала, что ты рабовладелец, и жить на широкую ногу тебе позволяет труд иностранцев.

Нукри задвигал желваками.

– Послушай, – он схватил Свету за руку выше локтя и крепко сжал, намеренно причиняя боль. – Повторяю, сестренка, это мои дела, и тебе не следует в них вмешиваться. И не надо меня задевать: я это очень не люблю.

– Интересно, – Света не чувствовала страха перед этим человеком, хотя в его словах явно слышалась угроза. – Интересно, а Низами знает про эти «твои дела»? – она со злобной радостью увидела, что удалось, наконец, задеть брата «за живое».

– А вот Низами знать об этом не обязательно, – Нукри

многозначительно посмотрел на девушку, убеждаясь, что она понимает важность его распоряжения. – Не отвлекай его пустяками.

– Ты так это называешь? Пустяками? – Света демонстративно высвободила руку, но ее решительность уже уступала место здравому смыслу, говорившему, что не стоит связываться с этим человеком и становиться его врагом.

– Успокойся, детка, я уже ухожу. Просто потому, что ты просишь меня об этом. Оставь их, – обратился он к своему подельнику.

Не сводя глаз с девушки, с поднятыми руками, как бы давая понять, что все кончено, инцидент исчерпан, и одновременно как бы успокаивая разъяренную тигрицу, Нукри попятился к машине.

– Пока, сестренка, поговорим как-нибудь, – и он с видом обиженного героя сел в машину.

Света знала, что никогда не захочет говорить об этом. Не дожидаясь, пока машина отъедет, она обернулась к растерянным китайцам. Они неуверенно улыбнулись ей, не зная, радоваться им, или ожидать следующего визита, грозящего стать более суровым, но, тем не менее, не могли себе позволить не поблагодарить отважную девушку, без колебаний вступившуюся за них.

Они заулыбались и стали беспрерывно кланяться, забавно сложив под подбородком руки, ладошками друг к дружке. При этом они что-то быстро лопотали на смеси китайского

и неразборчивого русского.

Уже отойдя на приличное расстояние с клубничным джемом в руке, Света, обернувшись, увидела, как к китайцам подъехал темно-зеленый джип. Из него вышли их собратья, охрана из Чина-тауна, одетые в черное, среди которых выделялся один мужчина, стильно одетый, с развевающимся на ветру белым шарфом. Вероятно, он у них главный. Бедные мальчишки принялись наперебой рассказывать ему о случившемся, время от времени показывая руками в сторону удаляющейся девушки.

Важный китаец тоже посмотрел в ее сторону и, встретившись со Светой взглядом, слегка поклонился, с благодарностью и достоинством. Смущенная, Света быстрее зашагала к офису, но скромность наверняка еще больше упрочила ее место в преданных ей с этого дня сердцах точильщиков ноже.

* * *

Что-то заставило ее проснуться посреди ночи. Звук ли, шорох ли, она не могла сказать точно, но тревога заставила подняться с постели и подойти к окну. Она не представляла, что ей там нужно, но осторожно выглянув из-за занавески на улицу, все поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.